

РОЛЬ РОССИИ И ТУРЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ СИРИЙСКО-ЛИВИЙСКОЙ КОНФЛИКТНОЙ ОСИ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Василий Кузнецов¹

DOI 10.56673/18294502-22.14-145

Интерес России к средиземноморскому региону насчитывает уже более 250 лет – по меньшей мере, его можно отсчитывать от 1769 г., когда в этот регион была отправлена первая Архипелагская экспедиция. И.М. и Е.Б. Смилянские – авторы, пожалуй, наиболее авторитетного исследования об этом периоде, отмечали: «едва ли можно согласиться с теми авторами, которые видели в средиземноморской политике Екатерины II способ решения только «восточного вопроса». Средиземноморская политика России была многогранной: она значительно способствовала развитию многообразных контактов Российской империи с государствами региона, взаимоотношений России с европейскими державами, наконец, не только политическому, но и социо-культурному освоению пространства Средиземноморья подданными российской императрицы»².

Уже в этой цитате обозначена некоторая двойственность, которая отличала отношение российских политических элит к Средиземноморью, как во времена Екатерины Великой, так и в последующие столетия.

На протяжении всего этого времени Средиземноморье, в общем и целом, не рассматривалось как специфический регион.

С одной стороны, оно воспринималось как западная оконечность Ближнего Востока, хотя границы последнего на разных

---

¹ к.и.н., руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва. vasiakuznets@yandex.ru

² И.М. Смилянская, М.Б. Велижев, Е.Б. Смилянская. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. Под общей редакцией Е.Б. Смилянской — М.: «Индрик», 2011. С.11-12.

этапах чертились по-разному. Соответственно, политика в Средиземноморье могла рассматриваться как элемент «восточного вопроса», а могла, как производная от политики Советского государства в арабском мире, развивавшейся, в свою очередь, в логике сначала антиколониализма, а затем развития биполярной системы международных отношений.

С другой же стороны, Средиземноморье могло рассматриваться как южное «подбрюшье» Европы, и в таком случае политика в этом регионе оказывалась вторичной уже не по отношению к Ближнему Востоку, но по отношению к южной Европе.

Особенно ясно эта амбивалентность восприятия средиземноморского региона видна, когда мы обращаемся к развитию отношений со странами Магриба, неизменно воспринимавшимися как некая двойная периферия – одновременно и Ближнего Востока, и Южной Европы. На эту периферию проецировались представления о социокультурных чертах, идентичности, стратегиях политического развития, безопасности региональных центров.

Подобные особенности пространственно-политического восприятия региона, как представляется, необходимо учитывать, когда мы ставим себе задачей проанализировать политику России в Сирии и в Ливии именно в средиземноморском контексте.

Политика России в Сирии и ее региональный извод

Сирия всегда воспринималась Россией, как государство, прежде всего, ближневосточное и только потом средиземноморское. Соответственно и «возвращение России в Сирию», начавшееся в 2015 г. с провозглашением операции российских ВКС рассматривалось в Москве, главным образом, в контексте общего возвращения на Ближний Восток, хотя восприятие сирийской кампании внешними наблюдателями и могло быть иным.

Характерно в этом отношении, что не вполне четко артикулированные задачи Москвы в рамках этой операции, получили несколько интерпретаций. Самая популярная из них для российской аудитории была связана с необходимостью «борьбы с терроризмом на

дальних подступах»³. Вместе с тем внешние наблюдатели зачастую акцентировали внимание на стремлении Кремля усилить свое присутствие в Средиземном море, защитив военно-морскую базу в Тартусе и не допустив того, чтобы российский флот оказался заперт в Черном море⁴. Наконец, третья интерпретация, увязывавшая операцию со стремлением вернуть себе статус великой державы⁵, подспудно имплементировала военную кампанию как в ближневосточный, так и (в меньшей степени) в средиземноморский контекст.

Сегодня, спустя шесть лет после начала кампании, можно констатировать, что, какую из этих трех интерпретаций ни выбирай, все они, так или иначе, были реализованы, что имеет множество последствий.

Наиболее значимым из них для российской политики, как представляется, можно считать следующие.

Во-первых, Россия получила постоянное военное присутствие на Ближнем Востоке и в Средиземном море. По мнению ряда аналитиков, это присутствие требует дальнейшего развития⁶, которое может реализовываться либо в средиземноморском бассейне, либо в бассейне Индийского океана. В русле рассмотрения первого сценария находятся многочисленные спекуляции⁷ о стремлении Москвы обзавестись глубоководной морской базой в Средиземном море,

---

³ Совет Федерации дал согласие президенту России на использование ВС РФ в Сирии // ТАСС. 30.09.2015. <https://tass.ru/politika/2302922>

⁴ Delman E. The Link Between Putin's Military Campaigns in Syria and Ukraine // The Atlantic. 02.10.2015. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/10/navy-base-syria-cremea-putin/408694/>

⁵ Taylor P. Putin's 'realpolitik' aims to make Russia indispensable // Reuters. 24.11.2015. <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-russia-indispensable-a-idUSKBN0TD1RQ20151124>

⁶ Coffey L. Russia's emerging naval presence in the Mediterranean // Al-Jazeera. 27/05/2016. <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2016/05/russia-emerging-naval-presence-mediterranean-160526074150359.html>

⁷ Sagall M. Russia Seeks Another Mediterranean Naval Base in Libya // Jerusalem Center for Public Affairs

Israeli Security, Regional Diplomacy, and International Law. 22/01/2017.

<https://jcpa.org/article/russia-cultivates-strongman-libya-seeks-another-mediterranean-naval-base/>

вероятнее всего в Ливии. Несмотря на то, что связанные с этой идеей публикации периодически появляются в мировой прессе⁸, они все же не находят пока что никаких не только фактических, но и логических подтверждений. В самом деле, реализация сложного и долгосрочного проекта на территории Ливии сегодня кажется невозможной в силу непредсказуемости развития конфликта в этой стране, Тунис и Марокко, имея статус союзника США вне НАТО, не могут пойти на подобное сотрудничество с Россией, относительно Алжира и Египта о подобных планах речи никогда не шло. Более правдоподобным выглядит второй сценарий. При том, что одним из косвенных результатов сирийской кампании стала интенсификация ВТС со всеми странами ближневосточного региона⁹, особенно активно оно развивается с Турцией и Египтом¹⁰. В 2017 г. было подписано предварительное соглашение¹¹, разрешающее российским ВКС летать в египетском воздушном пространстве и использовать военные базы страны. В случае его полной реализации Россия могла бы сконцентрировать в Египте самый крупный¹² для всех североафриканских государств иностранный военный контингент. Подобное развитие событий хорошо монтируется с характерным в

---

⁸ After Syria's Tartus port, Russia eyes Libya's Mediterranean port of Tobruk // PostSEurope. 28.04.2019. <https://www.portseurope.com/after-syrias-tartus-port-russia-eyes-libyas-mediterranean-port-of-tobruk/>; Bibbo B. What is Russia's endgame in Libya? // Al-Jazeera. 22.01.2017. <https://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/01/russia-endgame-libya-170116061913370.html>

⁹ Заквасин А., Комарова Е. «Чистый и прозрачный бизнес»: почему западные санкции не повлияли на экспорт российского оружия // RT. 14.09.2019. <https://russian.rt.com/world/article/668262-eksport-oruzhie-sankcii-shugaev>

¹⁰ Степанов А. Стратегия партнерства // Российская газета. 12.11.2019.

<https://rg.ru/2019/11/12/shojgu-obsudil-voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-rf-i-egipta-v-kaire.html>

¹¹ Isachenkov V. Russia negotiates deal for its warplanes to use Egypt bases // AP News. 30.11.2017.

https://apnews.com/bdfae4502ca74c1eacdbf6d32252e8f4?utm_campaign=SocialFlow&utm_source=Twitter&utm_medium=AP

¹² Там же.

последнее время для Москвы акцентированием внимания на африканском направлении внешней политики¹³.

Во-вторых, в результате сирийской кампании Россия оказалась глубоко втянута в сложное переплетение ближневосточной политики, став отчасти не только внешним по отношению к региону актором, но и непосредственным участником региональных отношений. При том, что в теории свойственный Москве подход «дружить со всеми» в этих обстоятельствах должен встречать на своем пути все большие трудности, пока что он продолжает реализовываться. При этом наиболее сложными узлами становятся ирано-израильский, палестино-израильский, турецко-сирийский и турецко/катарский-саудовско/египетский.

В-третьих, подтвердив статус великой державы, Россия по факту взяла на себя ответственность за участие в реорганизации региональных подсистем международных отношений¹⁴. С этим были связаны не только озвученные МИД РФ предложения по созданию Зоны коллективной безопасности в Персидском Заливе¹⁵, обновленные в 2021 г., но и целый ряд более частных инициатив, в том числе, связанных с достижением межпалестинского единства (три раунда межпалестинского диалога в Москве в 2010, 2017 и 2019 гг.), посреднические усилия на ливийском направлении (встреча Ф.Сарраджа и Х.Хафтара в Москве в январе 2020 г.) и др.

В-четвертых, Россия апробировала в Сирии ряд военно-политических и дипломатических инструментов внешней политики, которые могут использоваться и уже используются и в других регионах. Среди них: посреднические альянсы с участием

---

¹³ Кулькова О. Что Россия может предложить Африке // РСМД. 14.08.2019. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-rossiya-mozhet-predlozhit-afrike/>

¹⁴Эта тема широко обсуждалась в российском экспертном сообществе. См. напр. серию публикаций РСМД: <https://russiancouncil.ru/projects/regional/middle-east/>

¹⁵<https://www.mid.ru/rossijskaa-koncepcia-kollektivnoj-bezopasnosti-v-zone-persidskogo-zaliva>

региональных игроков (Астанинский формат), развитие военной дипломатии¹⁶, гибридный характер военного присутствия¹⁷ и др.

Все эти последствия сирийской кампании сегодня определенным образом влияют на политику России и в других частях региона, едва ли не более всего, в Ливии.

Россия в Ливии: сирийские проекции

В то время, как Сирия и объективно и с точки зрения российского восприятия глубоко интегрирована в ближневосточную подсистему международных отношений и менее – в средиземноморскую, Ливия и в той, и в другой оказывается элементом периферийным. Это проявляется не только в том, что для ключевых региональных и внерегиональных акторов ливийский конфликт играет меньшую роль, чем, например, ситуация в Сирии, но и в том, что в Ливии раз за разом проигрываются уже будто бы знакомые ситуации, используются механизмы, применявшиеся и ранее, а политика внешних по отношению к конфликту игроков остается зависимой от отношений между ними в других пространствах, в том числе, в сирийском.

Не останавливаясь на изложении динамики ливийского конфликта в последние десять лет, выделим некоторые его черты, ярко проявившиеся в последнее время.

Конец 2019 – начало 2020 г. были ознаменованы переходом ливийского конфликта в новую стадию, причем пандемия COVID-19, которая, по идее, могла бы замедлить этот процесс, в реальности серьезным образом на него не повлияла.

В целом новая стадия конфликта характеризовалась следующими чертами.

Во-первых, конфликт впервые с 2011 г. стал действительно региональным, причем региональным дважды. Это было связано, во-

---

¹⁶ Verbitskaia T.V. Military diplomacy and Russia's policy in Syria. *Comparative Politics Russia*. 2017;8(3):45-51. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-45-51>

¹⁷ Heistein A., Michlin-Shapir V. Russia's Hybrid-Warfare Victory in Syria // *The National Interest*. 19.05.2016. <https://nationalinterest.org/feature/russias-hybrid-warfare-victory-syria-16273>

первых, с прямым введением в страну турецкого военного контингента¹⁸ и угрозой ввода контингента египетского¹⁹, во-вторых, с переброской вооруженных сил из Сирии²⁰, в-третьих, с завязыванием сложного узла противоречий в восточном средиземноморье в связи с подписанием соглашения о морских границах между Турцией и ПНС²¹. Таким образом, укрепилась связь между сирийским и ливийским конфликтами и одновременно произошло втягивание восточного Средиземноморья в ближневосточную конфликтную логику.

Во-вторых, произошло изменение ситуации на земле и ослабление позиций ЛНА²². Это имело два следствия. С одной стороны, обозначился конфликт между военными и гражданскими властями на востоке страны²³, а с другой, усилилась тенденция к фактическому разделению страны на Запад и Восток. При этом признаки стремления Востока к повышению своей международной субъектности обозначились уже раньше, когда в Дамаске было открыто посольство Временного правительства Ливии²⁴, ЛНА была переименована в Ливийские арабские вооруженные силы²⁵.

---

¹⁸ Marcus J. Libya conflict: Turkish MPs approve bill to send troops // BBC. 03.01.2020. <https://www.bbc.com/news/world-europe-50975494>

¹⁹ Парламент Египта одобрил ввод войск в Ливию // DW. 20.07.2020.

<https://www.dw.com/ru/парламент-египта-одобрил-ввод-войск-в-ливию/a-54247470>

²⁰ Exclusive: 2,000 Syrian fighters deployed to Libya to support government // The Guardian. 15.01.2020. <https://www.theguardian.com/world/2020/jan/15/exclusive-2000-syrian-troops-deployed-to-libya-to-support-regime>

²¹ Memorandum of Understanding between the Government of the Republic of Turkey and the Government of National Accord-State of Libya on Delimitation of the Maritime Jurisdiction Areas in the Mediterranean. <https://almarsad.co/en/2019/12/05/exclusive-full-text-of-the-gna-turkey-agreement-claiming-to-be-an-mou-revealed/#jp-carousel-3134>

²² Bocharov I. The War in Libya: Is the Defeat of Khalifa Haftar Complete // RIAC. 18.06.2020. <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/the-war-in-libya-russia-s-time-is-approaching/>

²³ Shalhoub A. East Libya-based lawmakers reject Haftar's coup // AA. 25.05.2020. <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/east-libya-based-lawmakers-reject-haftars-coup/1853017>

²⁴ I'adat iftitah al-safara al-libya fi Dimashq // SkyNews Arabiya. 03.03.2020. <https://www.skynewsarabia.com/middle-east/1325472-دمشق-اللبيبة-السفارة-افتتاح-إعادة>

²⁵ В некоторых публикациях ЛНА называют также (ошибочно) Ливийской национальной арабской армией и Ливийской арабской армией. Кроме того,

В-третьих, все форматы урегулирования в очередной раз продемонстрировали свою неэффективность. Решения Берлинской конференции, хотя и были частично имплементированы²⁶, тем не менее не привели к консолидации позиций внешних игроков в отношении Ливии. Одновременно с этим фактически провалилась деятельность Миссии ООН по поддержке Ливии, проявлением чего стала отставка со своего поста Гасана Саламе²⁷.

В-четвертых, особую значимость стали приобретать вопросы интерпретации конфликта, которая осуществлялась посредством четырех основных нарративов: 1) как борьба легитимного ПНС против негосударственного вооруженного формирования ЛНА²⁸; 2) как борьба обладающей электоральной легитимностью ПП и связанной с ней ЛНА против утратившего легитимность из-за истечения срока Схиратских соглашений ПНС²⁹; 3) как противостояние двух частично легитимных центров силы – правительства и парламента; 4) как противостояние множества игроков, каждый из которых использует доступные ему идеологические, политические, экономические, символические, международно-правовые и другие ресурсы. Подобную же ситуацию с несколько схоластическим спором о характере участников конфликта мы видим и в Сирии. Конфликт там интерпретируется одними как

существует предложение обозначать ее как Вооруженные силы Хафтара. См.: Majumdar Roy Choudhury L.; de Albuquerque Bacardit L.A.; Kadlec A. etc. Final report of the Panel of Experts on Libya established pursuant to Security Council resolution 1973 (2011) // UN Security Council. 29/11/2019.

https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/S_2019_914.pdf. P.6.

²⁶ Lotfi F. Shoukry, Lavrov discuss Libya crisis as Egypt rejects mercenary deployment // Daily News. 21.07.2020. <https://dailynewsegyp.com/2020/07/21/shoukry-lavrov-discuss-libya-crisis-as-egypt-rejects-mercenary-deployment/>

²⁷ Спецпосланник ООН по Ливии ушел в отставку // Regnum. 02.03.2020.

<https://regnum.ru/news/polit/2872910.html>

²⁸ Libya's GNA forces announce 'counteroffensive' to defend Tripoli // Al-Jazeera. 08.04.2020. <https://www.aljazeera.com/news/2019/04/libya-gna-forces-announce-counteroffensive-defend-tripoli-190407121535177.html>

²⁹ Eljarh M. Libya's Legitimacy Crisis: Hostage to the Skhirat Agreement // RIAC. 09.06.2020. <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/libya-s-legitimacy-crisis-hostage-to-the-skhirat-agreement/>

борьба против авторитарного режима (нарратив Запада и сирийской оппозиции), а другими – как борьба государства против террористической угрозы (нарратив Дамаска и Тегерана). Каждый из нарративов поддерживается собственным набором аргументов, а принятие каждого из них предполагает собственную логику политического поведения.

В-пятых, наметилось более активное, нежели ранее воспроизводство в Ливии сирийского опыта. Использование всеми сторонами конфликта парамилитарес, прокси и гибридные войны, ситуативные альянсы, различные форматы посредничества, наконец, асимметричное партнерство государственных и негосударственных акторов, глобальных и региональных игроков – все эти лишь отчасти новые механизмы международных отношений уже применялись в Сирии и Ираке, отсюда были пересажены на ливийскую почву.

Все эти новые черты ливийского конфликта подталкивают Москву к некоторому переосмыслению ее политики на этом направлении.

Отношение Москвы к участникам конфликта в Ливии после 2011 г. колебалось между третьим и четвертым нарративами, допускающими сохранение, как любят говорить российские дипломаты, равноприближенной позиции³⁰.

За последние годы Москва перешла от звучавших рефреном упреков НАТО в развале ливийской государственности к выстраиванию относительно плотной и диверсифицированной сети контактов с самыми разными участниками ливийского политического процесса. В конце 2019 — начале 2020 гг. вроде бы появились признаки того, что Кремль склоняется к усилению поддержки Востока страны (об этом косвенно свидетельствовало, в частности, открытие посольства Киренаики в Дамаске). Проблема, однако, состояла в том, что переход от равноприближенности к поддержке одной из сторон требовал принципиального пересмотра вопроса о легитимности участников конфликта, чего сделано не было. Более того, в ситуации

---

³⁰ Братерский А. Авторитет Кадырова в мусульманском мире внушительный // Газета.ru 20.09.2017. https://www.gazeta.ru/politics/2017/09/20_a_10898510.shtml

роста напряженности между главой Палаты представителей в Тобруке Агилой Салехом и лидером ЛНА Халифой Хафтаром в апреле 2020 г. Москва откровенно отказалась поддержать последнего³¹.

Некоторая половинчатость и кажущаяся импульсивность российской политики в Ливии, по всей видимости, объясняется общим представлением о периферийности этого внешнеполитического направления, подталкивающим к политическому оппортунизму и стремлению к приобретению краткосрочных выгод.

Вместе с тем все большее втягивание России в сложную мозаику ближневосточной реальности, ставит ливийское направление политики в зависимость от отношений Москвы с Турцией, Египтом, ОАЭ, государствами-членами ЕС и другими акторами, для каждого из которых Ливия по тем или иным причинам оказывается важнее, чем для Кремля.

Подобное давление внешней среды, сделавшее в начале 2020 г. необходимым противостояние Турции и фактически подтолкнувшее к сближению с ОАЭ привело к ряду демаршей на ливийском направлении.

Одновременно с этим формирование за прошедшие годы плотной сети контактов в Ливии российскими деловыми и политическими кругами, вероятно, создало для ряда ливийских игроков каналы лоббирования собственных интересов в Москве. В совокупности со стремлением сохранить возможность инструментального использования ливийской повестки, не втягиваясь глубоко в беспросветный процесс урегулирования, это создало эффект мнимой порывистости российской политики, при которой внезапно предпринимаемые яркие шаги не получают внешних последствий.

При нормальном течении обстоятельств, по всей видимости, Москва и дальше старалась бы сохранить сформировавшийся своеобразный стиль. Но пандемия COVID-19 и срыв ОПЕК+ внесли здесь свои коррективы. Россия оказалась крайне заинтересованной в

---

³¹Зубков Р. СМИ узнали о реакции России на заявления Хафтара о переходе власти в Ливии // Вечерняя Москва. 28/04/2020. <https://vm.ru/news/797000-smi-uznali-o-reakcii-rossii-na-zayavleniya-haftara-o-perehode-vlasti-v-livii>

укреплении своего положения в ближневосточном регионе, средством чего могло бы быть наращивание влияния на ситуацию в Ливии, что позволило бы было более эффективно использовать ливийскую повестку в отношениях с третьими странами, прежде всего с государствами ЕС и Турцией.

Турция в Ливии – не Россия в Сирии

Еще одним важным измерением сложившейся в 2020 г. ситуации в рассматриваемом регионе стало, конечно, уже упомянутое ранее более глубокое втягивание Турции в ливийские дела. До некоторой степени справедливым будет сказать, что именно оно было драйвером и перенесения на Ливию некоторых элементов Сирийского конфликта, и формирования узла противоречий в Восточном Средиземноморье, повышения российской активности на ливийском направлении.

Некоторые авторы отмечают схожесть турецкой политики в Ливии с действиями Москвы в Сирии.

Обе военные операции были направлены, среди прочего, на повышение значимости государств в системе международных отношений; в обоих случаях операциям предшествовало формальное приглашение официальных властей; обе операции носят ограниченный характер и, по некоторым данным, сопровождались использованием парамилитарес; в обоих случаях операции были направлены на защиту государственности и территориального единства стран.

Вместе с тем, между ними есть и существенные отличия, определяющие характер дальнейшего течения конфликтов едва ли не больше, чем черты сходства.

Прежде всего, Сирия и Ливия играют принципиально разные роли во внешней политике России и Турции. Сколь бы ни была важна Сирия для России, нельзя забывать, что в целом Ближний Восток рассматривается Москвой как второстепенный по значимости

регион³². Ливия же периферийна даже в рамках ближневосточного направления. В то же время для Турции обе эти страны относятся к сфере непосредственных интересов Анкары.

Политика России в Сирии носит в целом чрезвычайно прагматический характер и почти не сопровождается отстаиванием тех или иных идеологических интересов. Это позволяет в Москве активно развивать отношения не только с союзниками Дамаска, но и с его противниками – от Израиля до Дохи или Анкары. В отличие от этого турецкая политика на ливийском направлении в значительной степени идеологизирована и во многом связана с поддержкой Братев-мусульман, что на протяжении длительного времени было очевидным препятствием для выстраивания диалога с другими региональными акторами – Египтом, ОАЭ, Саудовской Аравией.

Сирийская операция Москвы лишь по необходимости сопровождалась ее вовлечением в хитросплетения региональных противоречий. Однако для Турции Ливия изначально является производной иных направлений политики: стремления укрепить свои позиции в Сирии и изменить статус-кво в Восточном Средиземноморье³³.

Кроме того, принципиально различаются обстоятельства места и времени. Турция 2020 г. совсем не похожа на Россию 2015 г. В то время как российское общество шесть лет назад, еще вдохновленное присоединением Крыма, готово было поддержать военную кампанию вдалеке от российских границ, турецкое общество, все более критически настроенное в отношении правящей элиты и страдающие от негативных последствий конфликта в Сирии вполне может оказаться более критичным.

Наконец, различается ситуация внутри самих стран. В то время как Москва имела дело с более или менее хорошо организованным

---

³² Это напрямую следует из Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной в 2016 г. https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkBVZ29/content/id/2542248

³³ McKernan B. Idlib to Tripoli: Turkey moves to dominate eastern Mediterranean // The Guardian. 26.05.2020. <https://www.theguardian.com/world/2020/may/26/from-idlib-to-tripoli-turkeys-grab-for-influence-in-libya>

правительством в Дамаске, доказавшим не только свою способность выстоять в ходе гражданской войны, но и вполне успешно справлявшимся с поддержанием жизнедеятельности основных институтов, Анкаре приходится иметь дело с чрезвычайно слабым правительством, опирающимся на весьма сомнительную легитимность и почти не работающие институты.

Совокупность всех этих обстоятельств позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, складывающийся в Восточном Средиземноморье узел противоречий основывается на распространении на этот регион общей ближневосточной конфликтности и укрепления взаимосвязи между Сирийским и Ливийским конфликтами, во многом, в результате внешнеполитических действий Анкары. Элементами этого нового узла противоречий помимо Сирии, Ливии и Турции оказались все страны субрегиона, а также до некоторой степени Россия.

Во-вторых, не оказывая непосредственного влияния на ситуацию в Сирии, это вело к усложнению структуры Ливийского конфликта, перспективы урегулирования которого оставались туманными в 2020 г. и не стали яснее в 2021 г., когда силами международных посредников в Ливии было сформировано Правительство национального единства, к концу года вступившее в конфликт с властями на Востоке страны и оказавшееся неспособным ни организовать выборы, ни подготовить конституцию в установленные сроки. Спекуляции относительно возможности репродуцирования здесь опыта Астаны не выдерживают критики в силу трех обстоятельств: разной ситуации на земле и отсутствия в Ливии функционирующего правительства; присутствия в стране лишь турецких вооруженных сил, что делает невозможным эффективное давление на стороны конфликта со стороны международных посредников; наличия идеологической составляющей в турецкой политике, что затрудняет возможность диалога с иными региональными игроками.

В-третьих, участие в ливийских делах, хотя и может использоваться Москвой в том числе для развития отношений с

иными игроками региона (прежде всего Турцией), тем не менее остается второстепенным для России.

Наконец, в-четвертых, стремясь укрепить свое положение на Ближнем Востоке, и рассматривая Турцию как важного участника региональной системы отношений, Москва вполне вероятно может попытаться взять на себя посредническую роль в выстраивании восточномедиземноморской архитектуры отношений. Важными факторами такого развития событий будут повышение значимости для этой архитектуры тех региональных игроков, которые будут маргинализированы в случае иного (например, американского) посредничества, прежде всего, Сирии.

В 2021 г. ситуация в регионе получила, на первый взгляд, новое развитие. Еще осенью 2020 г. частично в логику ближневосточных противоречий оказался втянут Южный Кавказ. В Ливии в 2021 г. было сформировано очередное правительство, оказавшееся не успешнее прежних. Наметилось некоторое потепление отношений между Турцией и Египтом, с одной стороны, и между Турцией и ОАЭ, с другой. Началась постепенная эскалация напряженности в Магрибе: фактическое отстранение от власти исламистской партии ан-Нахда в Тунисе, разрыв дипломатических отношений между Марокко и Алжиром. Некоторые кризисные явления отмечаются внутри самой Турции.

И тем не менее, несмотря на все эти важные факторы, подчас кардинально меняющие расклады сил на локальном и субрегиональном уровне, общие тренды региональных отношений, выделенные в настоящей статье, остаются неизменными.